

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 930 (57) "15/19"
DOI: 10.17223/19988613/62/17

Д.А. Ананьев

ССЫЛКА И КАТОРГА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.) В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Анализируются основные работы англо-американских и немецких исследователей, посвященные истории ссылки и каторги в Сибири и на Дальнем Востоке второй половины XIX – начала XX в., когда, по мнению западных историков, пенитенциарная система Сибири переживала кризис, заставивший царское правительство принять ряд мер, направленных на ее реорганизацию. Установлено, что современные западные специалисты, активно работающие в российских архивах, существенно расширили источниковую базу своих исследований.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; западная историография; ссылка; каторга.

На рубеже XIX–XX вв. за пределами России в массовом сознании утвердился взгляд на Сибирь как регион, населенный преимущественно ссыльными и каторжными и колонизованный, прежде всего, их усилиями. Несмотря на существовавший в странах Запада общественный и научный интерес к вопросам, связанным с историей сибирской каторги и ссылки, специальные работы, написанные по данной теме профессиональными историками, появлялись редко. Анализируя немногочисленные публикации зарубежных коллег (в основном представителей англо- и германоязычной историографии), советские исследователи (в частности, Л.М. Горюшкин, А.Ю. Дергачев, С.В. Передерий) критиковали их за узость источниковой базы, замалчивание или отрицание фактов революционной борьбы политических ссыльных (особенно большевиков), неверные представления о положении революционеров в ссылке и косвенное оправдание, а порой даже апологию карательной политики царизма [1–3].

В современной англо- и германоязычной историографии значительное внимание уделяется периоду второй половины XIX – начала XX в., когда система каторги и ссылки в Сибири, по мнению западных историков, переживала кризис, заставивший царское правительство осуществить реорганизацию системы уголовных наказаний. Цель настоящей статьи – рассмотреть основные работы англо-американских и немецких исследователей и оценить их вклад в изучение истории пенитенциарной системы Сибири «позднеимперского периода».

По заключению немецкого историка Д. Дальмана [4], в конце XIX в. «печальной славе» Сибири как места каторги и ссылки способствовали воспоминания бывших политических ссыльных, труды представителей «либеральной общественности», а также, в немалой степени, работы американского журналиста Дж. Кен-

нана (1845–1924). Парадоксально, но в начале своей карьеры Дж. Кеннан искренне восхищался Россией и Сибирью, где ему удалось побывать еще в молодости в качестве сотрудника российско-американской телеграфной компании. Наряду с Г. Лансдэллом и П.М. Коллинзом в своих ранних статьях он выступал в поддержку царского правительства и системы ссылки. Так, в одной из публикаций, увидевшей свет в 1882 г., Дж. Кеннан, используя статистические материалы Е.Н. Анучина, опровергал преобладающее на Западе представление о том, что основную массу ссыльных в Сибири составляли осужденные за политические преступления (народники или, в его терминологии, «нигилисты»), а также поляки и прочие «заговорщики»).

Далее Дж. Кеннан доказывал, что вопреки другому распространенному заблуждению, ссыlnокаторжные не составляли большинства ссыlnого населения Сибири (в 1867–1872 гг. их доля не превышала 8%); что этапирование ссыlnых производилось не только пешим порядком; в Сибири им не так уж сложно было найти работу, а статистика побегов, ежегодно совершавшихся ссыlnыми, свидетельствовала об очень слабом надзоре со стороны местных властей. Впрочем, автор статьи признавал, что по мере роста благосостояния сибирского населения система ссылки все чаще подвергалась острой критике, поскольку создавала региону дурную репутацию и сдерживала приток переселенцев, и допускал, что в будущем она может быть упразднена.

Описания наиболее мрачных сторон жизни заключенных и ссыlnых в Сибири, приведенные, например, трудах С.В. Максимова или британского журналиста Ю.К. Гренвилла Мюррэя, по утверждению Дж. Кеннана, имели свои аналоги в истории американских тюрем, не говоря уже о ссылке в Австралию или на Землю Ван-Димена (Тасманию). Как писал Дж. Кеннан, «если

мы по этой причине не называем американское или британское правительство варварским или жестоким, то не следует этого говорить и о России» [5. Р. 58]¹. Такого рода высказывания вызывали многочисленные критические отзывы в западной прессе, заставившие журналиста уделить данному вопросу более пристальное внимание. По возвращении из очередной поездки в Россию, совершенной в середине 1880-х гг., Дж. Кеннан превратился в одного из последовательных критиков системы каторги и ссылки (как, напр., Дж. Бьюэл, Дж.Я. Симпсон, Л.Ф. Гоуинг), перестав проводить сравнения с ситуацией в американских тюрьмах.

После 1917 г. Дж. Кеннан и его сторонники вновь подверглись критике за необъективность – теперь со стороны тех исследователей, кто сравнивал карательную политику царской и Советской России и считал последнюю значительно более суровой [6]². В конце 1950-х гг. бывший посол США в СССР Дж.Ф. Кеннан в предисловии к очередному переизданию двухтомника «Сибирь и ссылка», написанного его знаменитым родственником, признавал, что «автор не смог в полной мере принять во внимание чудовищность террористических актов, за которые были сосланы в Сибирь многие герои его книги» [7. Р. 84]. Известный американский историк Д. Тредголд назвал книгу Дж. Кеннана публицистической, направленной на искоренение конкретного зла, но не дающей сбалансированной картины фактического состояния пенитенциарной системы России и Сибири. Вместе с тем инициаторы переиздания полагали, что работа Дж. Кеннана позволяет не только лучше понять политико-правовую систему Советского государства, но и провести обескураживающие параллели с американским правосудием, которое опиралось, в том числе, на принципы «вины по ассоциации», «вины по отказу донести на других», «наказания как предупредительной меры за еще не совершенное деяние» и др. [Ibid.].

До конца 1970-х гг. в англоязычной историографии отдельные вопросы сибирской каторги и ссылки «позднеимперского периода», как правило, затрагивались в работах обобщающего характера (Т. Армстронг [8] и др.), либо в биографических исследованиях, посвященных известным деятелям революционного движения (Э. Карр [9], Ф.Б. Рэндалл [10] и др.). Одна из немногих специальных работ по теме – опубликованная в 1937 г. статья известного английского историка Эдварда Карра (1892–1982), посвященная сибирской ссылке М.А. Бакунина и истории его побега в 1861 г. В качестве источников автор, консультировавшийся с сотрудниками Русского заграничного исторического архива в Праге, использовал письма М.А. Бакунина, изданные в 1896 г. в Женеве М.П. Драгомановым, а также документальные материалы к его биографии, опубликованные в СССР в 1923–1933 гг.

В своем исследовании Э.Х. Карр стремился выяснить степень виновности отдельных представителей местной

администрации, не сумевших предотвратить побег революционера. В итоге историк отверг версию о том, что к организации побега могло быть причастно царское правительство. Признавая, что генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков и иркутский гражданский губернатор П.А. Извольский благосклонно относились к М.А. Бакунину, исследователь пришел к выводу, что обвинить их можно лишь в том, что они не приняли достаточных мер предосторожности. В качестве наиболее вероятных сообщников М.А. Бакунина, действовавших из идейных соображений, и пособников, которых тот мог подкупить, Э. Карр назвал ряд офицеров и чиновников более низкого ранга.

В 1980-х – начале 1990-х гг. единственным представителем англоязычной историографии, посвятившим сибирской ссылке ряд специальных исследований, оказался британский историк Алан Вуд [11–15]. Не имея свободного доступа к архивным материалам, хранившимся в СССР, А. Вуд активно использовал сведения из дореволюционных изданий (в том числе «Тюремного вестника», трудов А.П. Саломона, С.В. Максимова, Н.М. Ядринцева и др.) и работ советских историков.

В отличие от Д. Дальмана, А. Вуд убежден, что мрачная репутация Сибири как места каторги и ссылки вполне оправдана, будучи «прочно укорененной в суровой исторической реальности и зачастую невыразимых страданиях ссыльного населения» [14. Р. 395]. Как замечает историк, еще в начале 1820-х гг. М.М. Сперанский, назначенный на должность сибирского генерал-губернатора, воспринимал ситуацию в сфере исполнения наказаний как требующую срочного вмешательства. Анализируя нормативно-правовую основу системы сибирской ссылки, созданную М.М. Сперанским в 1822 г., А. Вуд называет одним из существенных изъянов «Устава о ссыльных» и «Устава об этапах» недостаток внимания к вопросам, связанным с организацией каторжных работ. Вслед за российскими специалистами британский исследователь признает, что разработанная реформатором классификация ссыльных на практике в полной мере никогда не применялась. А. Вуд приходит к выводу, что М.М. Сперанский, в деятельности которого сочетались проявления гуманности и сострадания, с одной стороны, и бюрократические, системные управленческие решения – с другой, лишь заложил основы более разумной системы управления, но принципиально ситуацию не изменил [16. Р. 123].

В одной из своих ранних статей А. Вуд выразил недоумение по поводу того, что западные историки в течение столь длительного времени не пытались проверить свидетельства о сибирской каторге и ссылке, оставленные современниками (в первую очередь, Дж. Кеннаном). По заключению автора, один из наиболее заметных пробелов в историографии связан с отсутствием специальных работ, исследующих «общинные формы организации» в системе каторги и ссылки. С целью восполнения данного пробела в одной из сво-

их статей британский историк рассмотрел роль крестьянских общин в системе административной ссылки, а также феномен тюремных, ссыльных и бродяжеских общин в Сибири [14].

А. Вуд отмечает, что несмотря на ряд законодательных актов, принятых в XVIII – начале XIX в., административная ссылка не знала четко установленных законом процедур и регулировалась разнообразными обычным-правовыми нормами. Вместе с тем можно выделить два главных основания для высылки членов крестьянских общин в Сибирь: 1) за «порочное поведение» и 2) «по неприятии» общиной после отбытия наказания. Историк подчеркивает, что какой бы ни была действительная причина ссылки, власти не делали большого различия между ссыльными ни в процессе этапирования, ни в местах приписки. Таким образом, административно-ссыльные «обрекались на такую же ужасную судьбу, что и закоренелые преступники». В 1861 г. право на административную ссылку крестьян перешло от помещиков к крестьянским обществам. Для того чтобы оценить реальный объем полномочий, переданных общинам в сфере поддержания правопорядка, А. Вуд напоминает, что каторга и ссылка на поселение составляли самые верхние «ступени» в официальной «лестнице наказаний».

В начале 1860-х гг. расширение полномочий крестьянских обществ вызвало бурные дискуссии в правительственных кругах. Резкой критике подвергалось право на ссылку «по неприятии» общиной, поскольку в данном случае полностью игнорировались концепции реабилитации и исправления; не принималась возможность уплаты осужденным «долга обществу» и, главное, отвергался правовой принцип, согласно которому никто не мог быть наказан за одно преступление дважды. Ко всему прочему, система административной ссылки была связана с разнообразными злоупотреблениями. Современники приводили многочисленные примеры того, как членов крестьянских обществ с безупречной репутацией высылали лишь потому, что кто-то претендовал на их земельный надел; как богатые крестьяне («кулаки») избавлялись от бедняков, а местные чиновники потворствовали им за взятки; как на приговорах мирских сходов, принимавших решения о высылке, стояли подписи не участвовавших в них крестьян. Нередкими были случаи, когда общины избавлялись таким образом от неподкупных выборных должностных лиц, входивших в противоречие с нелегальными (хотя и традиционными для общин) практиками.

Несмотря на непрерывно звучавшую критику и мнение большинства членов Государственного совета, Александр III своим указом от 14 июня 1888 г. занял сторону меньшинства, полагавшего, что все права и прерогативы крестьянских и мещанских обществ, связанные с поддержанием правопорядка на местном уровне, должны сохраниться в силе. В итоге к концу XIX в. административно-ссыльные составили почти половину от всего ссыльного населения Сибири, при

этом доля осужденных по приговорам обществ достигла 98%. По мнению А. Вуда, непрерывно растущее число административно-ссыльных заронило в Сибири семена опасного «брожения умов» и повлияло на рост преступности. В 1900 г. реформа системы ссылки привела к некоторому сокращению числа ссыльных по приговорам общин, которое, впрочем, вскоре компенсировалось притоком тех, кого высылали по решениям органов полиции в условиях социального, экономического и политического кризиса начала XX в.

Анализируя функции и значение тюремных и бродяжеских общин в жизни ссыльного населения Сибири (в том числе рассматривая их внутреннюю иерархию, взаимоотношения с тюремной администрацией и местным населением и т.п.), А. Вуд подчеркивает, что в отличие от других форм общинной организации в России артели ссыльных в Сибири не только не разрушились под влиянием институциональной и экономической модернизации, происходившей в стране на рубеже XIX–XX вв., но и сохранились вплоть до окончательного упразднения ссылки в 1917 г.

С конца 1990-х гг. проблемами «исторической педологии» на материале Сибири и Дальнего Востока занимается американский историк Эндрю Гентес, защитивший в 2001 г. диссертацию в Университете Брауна (шт. Род-Айленд) и опубликовавший на ее основе серию статей и монографий [17–25]. Диссертация Э. Гентеса – первое в англоязычной историографии исследование, охватывающее всю дореволюционную историю сибирской ссылки, т.е. с конца XVI в. до 1917 г. В своей работе Э. Гентес опирался на обширный документальный материал из фондов российских центральных (ГАРФ, ЦГАЛИ) и региональных (ГАИО, ГАПК, РГИА ДВ) архивов; материалы периодической печати; публикации отечественных и зарубежных специалистов. Высоко оценивая достижения советской историографии, Э. Гентес все же считает наиболее значимыми для своего исследования труды дореволюционных авторов (С.В. Максимова, Е.Н. Анучина, Н.М. Ядринцева, Г.С. Фельдштейна, И.Я. Фойницкого, В.И. Семевского, Д.А. Дриля и др.). Значительное внимание в диссертации уделяется нарративам политических ссыльных и побывавших в Сибири иностранцев (Дж. Кеннана, Ч. Хауса, Дж. Кокрейна, Р. Джефферсона, Т.У. Нокса и др.).

В центре внимания американского историка – система управления сибирской ссылкой и состав ссыльного населения. Опровергая расхожий на Западе тезис о Сибири как «стране ссыльных», Э. Гентес напоминает, что даже в начале XX в., когда правительство активно боролось с революционным движением, доля ссыльных в Сибири не превышала 10% от общей численности населения региона. По мнению историка, в России система ссылки возникла и развивалась постольку, поскольку это было необходимо государству. Деятельность М.М. Сперанского способствовала «систематизации» и упорядочению пенитенциарной си-

стемы, хотя уже в царствование Николая I некоторые влиятельные сановники признавали, что институт ссылки себя не оправдал и подлежал упразднению.

В течение всего XIX в., несмотря на попытки правительства реформировать империю по европейским образцам, поток ссыльных в Сибирь непрерывно увеличивался. После подавления Январского восстания (1863–1864 гг.) в сибирскую ссылку отправились тысячи поляков, что привело к коллапсу всей системы наказаний [21]. По данным Э. Гентеса, в период между 1863 и 1868 гг. в Сибирь было сослано от 18 до 24 тыс. человек [19]³. В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков уведомил главу МВД о невозможности задействовать на каторжных работах всех «ссыльно-рабочих» и предложил перевести часть из них (по крайней мере, поляков) в Алтайский горный округ. Из-за тяжелых условий на Нерчинской и Карийской каторге возникали беспорядки, в основном с участием политических заключенных, и местные власти опасались, что это приведет к еще большим волнениям. В итоге Александр II признал положение дел в данной сфере неудовлетворительным.

Причиной официально признанного «коллапса каторги» Э. Гентес называет нехватку средств, административный хаос, неуважение к существующим законам и «институционализированную жестокость». В том же 1868 г. по указу царя создается Комитет об устройстве каторжных работ, одним из результатов деятельности которого стало учреждение сахалинской каторги [19]. В дальнейшем правительство демонстрировало двойственное отношение к ссыльным, воспринимая их и как рабочую силу (для выполнения каторжных работ), и как колонистов (для аграрного освоения восточных окраин), что, по определению Э. Гентеса, отражало растущий разрыв между «анахроничным государством и медленно модернизовавшимся обществом».

Американский историк выделяет завершающий этап в истории сибирской ссылки, охватывающий период с 1900 по 1917 г. [17] Важнейшим событием в указанный период стало упразднение некоторых видов ссылки по Закону от 12 июня 1900 г., что явилось итогом деятельности комиссии под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева. В числе факторов, способствовавших реформе, Э. Гентес называет: 1) рост числа тюрем; 2) стремление властей уменьшить количество арестов и обвинительных приговоров и 3) разгрузить пенитенциарную систему (примечательно, что контроль над ссыльными был настолько слабым, что в 1898 г. не менее трети ссыльных находились «в безвестной отлучке»); 4) протесты сибирской общественности; 5) намерение правительства стабилизировать обстановку на «восточном фронтире» для реализации своих геополитических замыслов; 6) развитие торговых связей с соседними державами, обострение международных противоречий в Азии и необходимость повышения обороноспособности восточных окраин империи.

Реформе предшествовала передача Главного тюремного управления (далее – ГТУ) из МВД в Мини-

стерство юстиции в декабре 1895 г., а также инспекционная поездка в Сибирь нового начальника ГТУ А.П. Саломона, интересовавшегося, среди прочего, влиянием ссылки на уровень преступности в регионе. Приняв во внимание результаты инспекции, комиссия Н.В. Муравьева приняла решение об отмене ссылки на жительство и многих видов ссылки на поселение (сохранив ее в качестве наказания за религиозные и государственные преступления); бродяг отныне ссылали только на Сахалин. Кроме того, отменялась административная ссылка по приговорам мещанских обществ. За крестьянскими общинами такое право сохранили, по-прежнему усматривая в этом действенный инструмент поддержания правопорядка в сельской местности.

По заключению Э. Гентеса, реформа 1900 г. привела к сокращению ссыльного населения на 85%. В то же время сохраняло свою силу чрезвычайное законодательство 1881 г., позволявшее административным органам ссылать всех заподозренных в «крамоле», что привело к резкому росту количества политических ссыльных после 1905 г. Сопоставляя данные из работ отечественных и зарубежных авторов, Э. Гентес подытоживает, что доля «политических» составляла не более 2% от всего ссыльного населения до 1905 г., и примерно 10% – после 1905 г.

Указывая на путаницу в источниках и исторических трудах, связанную с использованием терминов «государственные преступники» и «политические ссыльные», Э. Гентес уточняет, что в официальных документах термином «государственные преступники» обозначались этнические русские, обвиненные в «оскорблении величества», тогда как термин «политические ссыльные» (возникший в конце XVIII в.) почти всегда относился к полякам и иногда к представителям других национальностей, сосланных за фактическое или предполагаемое участие в восстаниях и заговорах⁴.

По мнению американского историка, отмена некоторых видов ссылки в 1900 г. не была проявлением прогрессивности царского правительства. Скорее, она соответствовала общему вектору его политики, направленной на усиление репрессивных функций полиции, которые оказались наиболее востребованными после подавления революции 1905 г. Развивая идеи М. Фуко о том, что власть возникает как результат переговоров и взаимодействия между индивидами, а не в результате воздействия более сильной группы на более слабую, Э. Гентес подчеркивает, что ссыльные в Сибири никогда не были совершенно беспомощными. Само существование их субкультуры доказывает, что они не могут рассматриваться лишь как жертвы режима. При необходимости они сами могли осуществлять насилие. По заключению историка, используя ссылку в таких огромных масштабах, царизм сеял семена своего собственного разрушения, «разжигая в сердцах ссыльных жажду мести» и одновременно допуская такую степень самоорганизации революционеров, что тем в итоге удалось отправить «на свалку истории» сам царский режим.

В 2016 г. британская исследовательница Сара Бэдкок (Университет Ноттингема) опубликовала монографию, посвященную истории ссылки в Восточную Сибирь в 1905–1917 гг. Следуя в русле новых научных направлений – «истории эмоций, наказания, боли и болезней», автор видит главной своей задачей изучение субъективного «живого опыта» и анализ «личностных, человеческих и эмпатических аспектов», связанных с пребыванием в ссылке. Опираясь на обширную историографию, посвященную системе наказаний, миграциям и принудительным перемещениям (работы Л.Х. Сигельбаума, Н.Б. Брейфогла, П. Гатрелла, Дж. Санборна и др.), С. Бэдкок делает акцент на жизни низших классов, «бесправных жителей имперских окраин».

Работа над книгой потребовала архивных изысканий, осуществленных автором в 2006–2008 гг. в Москве (ГАРФ, РГАСПИ), Сибири и на Дальнем Востоке. Наряду с делопроизводственными материалами полицейских и тюремных учреждений, документацией общественных и благотворительных организаций автор изучала источники личного происхождения: мемуары, письма и дневники политических заключенных (в основном, опубликованные в журнале «Каторга и ссылка» в 1918–1932 гг.). По замечанию исследовательницы, несмотря на элемент идеологической заданности, некоторые мемуарные материалы представляют собой глубоко личные, субъективные свидетельства.

По заключению С. Бэдкок, в новейшей российской историографии нарратив о героических политических ссыльных и репрессивной политике самодержавия сохранился. В последние десятилетия западные историки (Б. Адамс, Э. Шредер, Дж. Дэли, А. Гайфман и др.) взялись за пересмотр устоявшихся концепций, но сфокусировали свое внимание на центральной политике и реформах, а не на личном опыте ссыльных и «локальной перспективе». Объединив методологические подходы социальной и культурной истории, С. Бэдкок стремилась исследовать формирование «множественных идентичностей» у лиц, подвергшихся наказанию, а также значение и опыт насильственного перемещения. В монографии подчеркивается, что о каждом ссыльном, политическом или уголовном, мужчине или женщине, взрослом или ребенке, можно сказать, что его личность сильно изменилась после испытаний, связанных с пребыванием в ссылке. Для С. Бэдкок главным было показать, как обычные заключенные тюрем и ссыльные, не связанные с революционным движением, реально проживали свою повседневную жизнь [28. Р. 54–59]. Решению данной задачи во многом способствовало изучение разнообразной ведомственной документации, в которой содержатся письменные обращения ссыльных к представителям местной администрации с просьбами о помиловании, содействии в поиске работы, оказании помощи детям и другим членам семей и пр.

Как и другие западные историки-сибиреведы (напр., Ю.Л. Слезкин, В. Кивельсон, Э. Гентес, Э. Шредер, Э.-М. Столберг), С. Бэдкок указывает на противоречи-

вость образа Сибири в восприятии жителей Европейской России: Сибирь одновременно представляла и как «совершенный образец русскости», и как самая отдаленная местность. Вслед за А.В. Ремневым, британская исследовательница полагает, что к концу XIX в. царские сановники все меньше рассматривали Сибирь как колонию [29]. Соответственно, взгляд на Сибирь как неотъемлемую часть России делал проблематичным использование региона в качестве места ссылки (об этом же в свое время писал Дж. Кеннан).

Размыванию границ между европейской и азиатской частями Российской империи в сознании ее подданных, по мнению С. Бэдкок, способствовало развитие транспортных коммуникаций (в первую очередь, строительство Транссибирской магистрали), распространение идей панславистов, а также массовый приток крестьян-переселенцев. Вместе с тем сохранялись фундаментальные факторы, позволявшие использовать Сибирь как место ссылки: труднодоступность и малонаселенность многих ее районов, суровый климат и неразвитая инфраструктура. К тому же, в представлении властей, ссыльные наряду с крестьянами-переселенцами являлись, пользуясь терминологией А.В. Ремнева, «важным инструментом российского имперского проекта» [Ibid. Р. 442] и должны были «цивилизовать» сибирское пространство и коренное население.

Все это создавало, по определению С. Бэдкок, «глубинный конфликт» между «ипостасями» Сибири как места ссылки и региона, где складывался русский социум. Опираясь на архивные документы, исследовательница приводит примеры того, как сибирские губернаторы «выносили этот конфликт в свой дискурс» с вышестоящим начальством, добиваясь уменьшения или полного прекращения ссылки в регион. Так, в 1910–1911 гг. военный губернатор Забайкальской области В.И. Косов писал, что успешное экономическое развитие региона и строительство Амурской железной дороги обеспечили достаточный приток свободной рабочей силы, делая труд ссыльных невостребованным. В свою очередь, губернатор Якутской области Р.Э. Витте писал о невозможности найти применение ссыльным в Якутске из-за слабости экономики, почти полного отсутствия промышленности и нехватки пахотных земель. По замечанию отечественного историка Д.А. Бакшта, внимание С. Бэдкок к конфликтам между различными агентами государственных интересов приближает ее монографию к тенденциям современной российской историографии [30. С. 61].

Свой интерес к периоду 1905–1917 гг. автор объясняет тем, что указанный хронологический отрезок был отмечен беспрецедентным ростом числа политических ссыльных. С началом Первой русской революции преследованиям подверглись бунтовщики в армии, деревне и городе; к каторге и ссылке приговаривались за множество преступлений – от терроризма до участия в революционной пропаганде и членства в нелегальных организациях⁵. В 1905–1915 гг. количество каторжан

выросло в 5 раз. Тех, кого считали политически неблагонадежными, но не могли обвинить в серьезных преступлениях, ссылали в административном порядке. В начале XX в. к «политическим» можно было отнести основную массу административно-ссыльных; доля «политических» среди тех, кого сослали по приговорам судов, была существенно ниже.

В отличие от более раннего периода власти обращались с политическими ссыльными не менее сурово, чем с уголовными. Вместе с тем исследовательница подчеркивает, что и государство, и сами ссыльные четко различали «уголовных» и «политических». Социальный облик последних существенно изменился после 1905 г., что способствовало дальнейшему ухудшению их положения в Сибири. С. Бэдкок приводит результаты обследования 15 тыс. ссыльных, которое в 1908 г. провел журналист В. Комков. Согласно полученным им данным, если до 1905 г. основную массу «политических» составляли представители привилегированных классов, то после 1905 г. – рабочие и военные. В 1905–1908 гг. 40% политических ссыльных были из рабочих, 24% – из крестьян, 34% принадлежали к интеллигенции [28. Р. 3].

Характеризуя основные категории ссыльного населения и сопоставляя имеющиеся данные о его численности, исследовательница не предлагает собственной детальной классификации ссыльных⁶, отсылая читателей к соответствующему параграфу в диссертации Э. Гентеса, где речь фактически идет о 6 категориях ссыльнопоселенцев, определенных Уставом 1822 г. С. Бэдкок не приводит достоверных сведений о соотношении политических и уголовных ссыльных в масштабах восточносибирского региона в течение рассматриваемого периода. По ее мнению, отсутствие точных цифр объясняется безразличием государства к судьбам ссыльных. В монографии приводятся сводные данные, взятые автором из разных источников, в основном, работ Н.Н. Быковой и отчетов ГТУ. Так, по данным ГТУ, в 1910 г. более 60% осужденных сослали в Сибирь за тяжкие уголовные преступления, и около 30% – за «политические преступления» различного рода.

Британская исследовательница пишет о преимущественно негативных последствиях ссылки для региона и призывает, в частности, не преувеличивать вклад ссыльных в культурное развитие Сибири. Несмотря на то, что резкий рост ссыльного населения в начале XX в. не вызвал новую волну преступности в Восточной Сибири, он создал серьезную нагрузку для ее ресурсов.

Как и другие западные историки (Э. Гентес, Дж. Дэли, Д. Бир, Д. Дальман), С. Бэдкок помещает систему сибирской ссылки в сравнительный контекст, пытаясь установить, насколько обоснованными были распространенные в литературе представления об исключительной жестокости карательной политики самодержавия. По мысли С. Бэдкок, сравнение с другими странами показывает, что Россия не была «страной-изгоем», сбившейся с пути, по которому шла «семья

цивилизованных западных стран». Каторжные работы существовали в США, Франции, Великобритании. Поддерживая выводы известной американской исследовательницы Ч. Чаттерджи, С. Бэдкок замечает, что британские власти проявляли не меньшую суровость в отношении государственных преступников, но если «сибирская ссылка стала метафорой несправедливого государственного террора и насилия», то ужасы колониального правления Британской империи были ловко скрыты за ширмой публикаций в мировой прессе, писавшей о «гражданском неповиновении, бунтарстве, анархии и измене». Британии как воплощению «западного прогресса» удалось противопоставить себя «восточному варварству» Российской империи потому, что она сумела создать национальное государство с относительно либеральной системой управления посреди огромной и отнюдь не либеральной империи [Ibid. P. 18–20].

Впрочем, С. Бэдкок признает, что с учетом целей и задач исследования сравнение с другими режимами или странами мало что дает. Главная цель ее работы – реконструировать индивидуальный опыт людей, подвергшихся наказанию, а любой субъективный опыт всегда исключителен, и концепция «иерархии страданий» для исследовательницы неприемлема. По определению С. Бэдкок, рассмотренный ею «калейдоскопический» и «пестрый» жизненный опыт людей, прошедших сибирскую ссылку и каторгу, являет собой образец человеческой стойкости, упорства и умения адаптироваться к любым условиям [Ibid. P. 178].

В 2016 г. сотрудник Университета Роял Холлоуэй (Лондон) Дэниэл Бир опубликовал монографию по истории сибирской каторги и ссылки XIX – начала XX в. По мнению британского историка, система ссылки играла центральную роль в колонизации Сибири, особенно если принять во внимание, что только в 1801–1917 гг. за Урал сослали более 1 млн человек. В то же время, непрерывно растущий поток ссыльных создавал все больше проблем и превращался в препятствие на пути эффективного развития региона [31]⁷.

Автор присоединяется к выводам тех западных исследователей (Ю. Слезкин, Г. Даймент, В. Кивельсон), кто полагает, что система ссылки во многом обусловила амбивалентность образа Сибири в восприятии современников. Сибирь одновременно считалась и «средоточием тьмы» для России, и краем новых возможностей и процветания. По мнению многих, мрачное настоящее восточных окраин империи должно было уступить дорогу яркому будущему, и ссыльным предстояло сыграть ключевую роль в этой трансформации [Ibid. P. 3–4]. Одновременно в зарубежных периодических изданиях печатались карикатуры на тему «цивилизаторской миссии» России в Азии.

Британский историк пишет не только о сосланных в Сибирь известных деятелях революционного движения, но и о тысячах обычных уголовников, чьи судьбы запечатлены в полицейских отчетах, апелляциях, судебных протоколах и официальной ведомственной пе-

реписке. Делопроизводственные материалы Д. Бир изучал в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска и Иркутска. Наряду с архивными документами исследователь широко привлекал опубликованные источники личного происхождения. Автор демонстрирует хорошее знание историографии по теме, используя работы как зарубежных, так и российских историков (в их числе – А.А. Иванов, А.Д. Марголис, П.Л. Казарян, В.А. Дьяков, К.К. Кораблин и др.).

Несколько глав своей монографии Д. Бир посвятил анализу положения политических ссыльных в Сибири в конце XIX – начале XX в. По данным Д. Бира [31. Р. 299], в 1881–1904 гг. в Сибирь было сослано 4 100 человек за «политическую неблагонадежность» и еще ок. 2 000 человек за участие в забастовках. Если учесть, что, по данным ГТУ, к 1898 г. в Сибири находилось около 300 тыс. ссыльных, доля политических представляется очень незначительной, хотя они пользовались несоизмеримо большим влиянием. По мнению английского историка, политические ссыльные 1870–1880-х гг., в отличие от декабристов, не были готовы смириться со своим «изгнанием с политической сцены» и в дальнейшем демонстрировать свои идеологические убеждения исключительно внутри своего сообщества [Ibid.]. Одной из форм борьбы был побег, но для политзаключенных он никогда не был лишь способом обретения личной свободы; это был акт политического сопротивления, коллективно спланированный и подготовленный. В 1881 г. отказ некоторых ссыльных (в том числе В.Г. Короленко) от присяги новому царю задал образец поведения, предполагающего отказ от обращения с какими-либо просьбами к властям.

Подробно описывая трагические судьбы некоторых ссыльных (например, Е.Н. Ковальской), тяжелые условия их жизни в Сибири, историк замечает, что и при таких обстоятельствах многие ссыльные радикалы парадоксальным образом обретали в Сибири большую свободу, чем в Европейской России. Относительная слабость административного надзора, отсутствие необходимых профессиональных навыков у местных чиновников, перегруженных делами, и их довольно снисходительное отношение к ссыльным позволяли последним в той или иной степени заниматься хозяйственной, образовательной или исследовательской деятельностью.

В 1880 г. МВД постановило всех политзаключенных, приговоренных к каторжным работам в тюрьмах Европейской России, перевести в Сибирь – преимущественно в тюрьмы Нерчинского каторжного комплекса (мужчин – в Нижнекарийскую тюрьму, женщин – в Усть-Карийскую). В дальнейшем карийская каторга являлась основным местом заключения для государственных преступников в Восточной Сибири. По словам Д. Бира, «либеральный» заведующий нерчинскими ссыlnокаторжными полковник В.О. Кононович допустил ослабление режима содержания политкаторжан (за что в 1881 г. был переведен на о. Сахалин), надеясь

тем самым предотвратить побег. Тем не менее в 1882 г. 8 заключенных совершили побег, закончившийся неудачей. Тюремный режим был вновь ужесточен, и добиться его смягчения, несмотря на акции протеста, не удалось. По мнению Д. Бира, выступления политкаторжан на Каре в 1882 г. продемонстрировали готовность заключенных защищать свое достоинство и набор прав, не дарованных государством, но общих для всех людей. Об этом же свидетельствовало и восстание в Якутске в марте 1889 г., вызванное произволом вице-губернатора Якутской области П.П. Осташкина.

Одним из действенных способов умирения недовольных служили телесные наказания, но далеко не всегда, что продемонстрировали события на Карийской каторге в 1889 г. После того как по распоряжению генерал-губернатора Приамурья А.Н. Корфа политзаключенная Н.К. Сигида подверглась наказанию розгами, она и еще почти два десятка человек покончили с собой. Карийская трагедия вызвала волну возмущения не только в России, но и за рубежом, после чего европейские правительства прекратили выдавать России беглых «государственных преступников».

По словам Д. Бира, когда разразилась революция 1905 г., ссыльные радикалы превратили города и села Сибири в очаги отчаянного сопротивления самодержавию. К выступлениям политических ссыльных в городах присоединялись и бастующие рабочие, и возвращавшиеся с Манчжурского фронта солдаты. Если в начале царствования Николая II Сибирь была территорией политического «карантина», то к началу Первой мировой войны она превратилась в «гигантскую лабораторию революции». Начавшаяся после революции 1905 г. политическая реакция, деятельность военных трибуналов и высылка в Азиатскую Россию всех «подозрительных элементов» привели к резкому росту численности тюремного населения Сибири.

В 1906–1907 гг. в сибирские тюрьмы были назначены новые начальники, более жестокие в сравнении с прежними, допустившими смягчение тюремного режима в условиях революционного взрыва. Жестокое противостояние между заключенными и представителями тюремной администрации сопровождалось побегами и покушениями на представителей тюремной администрации. Так, в 1907 г. в Чите был убит начальник Нерчинской каторги Ю.И. Метус, в том же году эсеры убили начальника Тобольской тюрьмы А.Г. Богоявленского, а в 1909 г. – его преемника И.С. Могилева. По заключению Д. Бира, если в 1880–1890-х гг. революционеры апеллировали к суду общественного мнения, то теперь они выступали в роли исполнителей приговора, вынесенного этим судом. Период «политической реакции», наступивший после поражения революции 1905 г., предопределил судьбу самодержавия – его триумф был кратковременным. В 1917 г. революция разрушила систему ссылки, добившейся столь малого за столь колоссальную цену.

История сибирской каторги и ссылки освещается и в современной немецкой историографии. Так, в 2007 г. в издательстве Института Восточной Европы в Мюнхене увидела свет небольшая работа выпускника Университета Цюриха Маркуса Акерета, посвященная политкаторжанам, отбывавшим наказание в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке [33]. В качестве источников автор использовал опубликованные делопроизводственные документы, путевые заметки и записки русских и иностранных наблюдателей, но в основном – воспоминания бывших заключенных.

М. Акерет показывает, как в условиях ссылки проходила проверка на прочность сплоченность революционеров; подробно рассматривает условия содержания и размещения заключенных, чьи контакты с внешним миром или взаимодействие с тюремной администрацией могли приобретать различную форму в зависимости от актуальных политических настроений. В рецензии на работу М. Акерета М. Камиссек справедливо задается вопросом, насколько вообще возможно плодотворное изучение «мира каторги» в позднейший период, если автор анализирует лишь источники, созданные немногочисленной группой политических заключенных (на рубеже веков их доля среди ссыльнокаторжных составляла около 1,6%) [34]. Вместе с тем исследование М. Акерета, по мнению М. Камиссека, заставляет задуматься о проблеме сопоставления мемуарной литературы с архивными источниками, позволяющими получить представление о тех аспектах тюремной повседневности (смертность, конфликты между группами заключенных и др.), которые отсутствуют в мемуаристике [34].

На работу М. Акерета в своем исследовании ссылается известный немецкий историк, профессор Боннского университета Д. Дальман – автор обобщающего труда по истории Сибири, специальный раздел которого посвящен каторге и ссылке [4]. Критически оценивая советскую историографию, Д. Дальман опирался преимущественно на работы современных зарубежных специалистов – Дж. Стефана, Э. Качинской, Э. Гентеса, А. Вуда и др. Наряду с Б. Адамсом и Дж. Дэли автор доказывает, что в царской России условия жизни для ссыльных и каторжан были не хуже, а порой и лучше, чем в других странах [Ibid. S. 165].

Тем не менее, по признанию Д. Дальмана, система ссылки до сих пор воспринимается как доказательство отсталости царской России и «признак варварства», поскольку она ограничивала права подданных, а также оказывала негативное влияние на местное население Сибири. Печальную славу сибирской ссылке создали, прежде всего, представители оппозиционного лагеря – либералы и социалисты. Во многом их стараниями повсеместно циркулировали сообщения, в которых Сибирь по аналогии с американским Диким Западом представляла как «Дикий Восток России», место, где царило беззаконие. По заключению Д. Дальмана, несмотря на то, что одному из главных критиков сибир-

ской ссылки Дж. Кеннану присущ явно односторонний взгляд на проблему, его оценки и выводы воспроизводятся и в современной западной историографии, о чем свидетельствуют работы Б. Бобрика, Б.У. Линкольна, Л. Томас, М. Акерета и др.

В отличие от С. Бэдкок, немецкий историк высоко оценивает вклад политических ссыльных в научное изучение Сибири и напоминает, что замечательные работы по этнологии, антропологии, геологии и зоологии оставили после себя сосланные за «государственные преступления» поляки А.Л. Чекановский, И.Д. Черский, Б.И. Дыбовский, В.Л. Серошевский, Б.О. Пилсудский. Ссыльные народовольцы Л.Я. Штернберг, В.В. Богораз, В.И. Иохельсон участвовали в Северотихоокеанской экспедиции 1897–1902 гг., организованной американским предпринимателем М.К. Джесупом.

Д. Дальман описывает тяжелые условия этапирования ссыльных в Сибирь, которые изменились к лучшему только со времени открытия Транссибирской магистрали. Несмотря на немногочисленность политических ссыльных, им удавалось сохранять определенную дистанцию с уголовными [Ibid. S. 164]. В годы Первой русской революции количество «политических» резко возросло. В переполненных тюрьмах часто происходили беспорядки, что иногда заканчивалось «либерализацией» или смягчением тюремного режима, поскольку администрация не располагала властными инструментами для принуждения заключенных к порядку. В 1907–1910 гг. по мере стабилизации ситуации тюремный режим был восстановлен, однако конфликты заключенных с администрацией продолжали возникать почти повсеместно. «Политические» использовали любую возможность для продолжения своей революционной борьбы, поддерживая связь с внешним миром и донося до общественности информацию обо всех случаях унижения их человеческого достоинства.

Для определения общей численности ссыльного населения Сибири в начале XX в., Д. Дальман использовал данные из работ Р. Мелвилля, Т. Стеффенса, Дж. Дэли, М. Акерета, В. Рабе. По подсчетам исследователей, в 1900–1914 гг. в Сибирь было сослано 50 тыс. чел.; в последующие годы цифры резко уменьшились⁸ [Ibid. S. 165–166]. В то же время в 1905–1914 гг. число приговоренных к каторжным работам достигло своего пика. Рост числа ссыльных и каторжных в указанный период немецкий историк объясняет, среди прочего, продолжавшейся «модернизацией» уголовно-исполнительной системы и появлением новых тюрем. Одним из проявлений процессов модернизации следует считать и указ от 12 июня 1900 г., которым ограничивалась административная ссылка и в основном отменялась уголовная (хотя фактически она сохранялась до конца существования царского режима) [4, 36]. По мнению Д. Дальмана, «великие реформы» Александра II способствовали постепенной трансформации самодержавного правления к системе, отчасти напоминающей конституционную. Сравнивая системы

уголовных наказаний во Франции и Великобритании (где также приговаривали к каторжным работам), с одной стороны, и в Российской империи – с другой, немецкий исследователь приходит к выводу, что российская система не была более жестокой и не отличалась более высоким процентом вынесенных обвинительных приговоров.

Особое внимание западные исследователи уделяют вопросам истории сахалинской каторги. Одним из первых к изучению истории штрафной колонизации Сахалина обратился известный американский историк, сотрудник Гавайского университета Дж. Стефан. Три десятилетия (с 1875 по 1905 г.), в течение которых Сахалин безраздельно принадлежал царской России, автор называет «мрачным периодом» в его истории, в течение которого надежды сменились разочарованием, во многом из-за «фатально ошибочного расчета на то, что развитие экономики острова можно обеспечить трудом заключенных» [37. Р. 67]. Э. Гентес, Д. Бир, М. Акерет посвятили данной теме специальные разделы своих исследований, выясняя причины возникновения и ликвидации сахалинской каторги; изучая планы и проекты, связанные с освоением Сахалина; анализируя состав ссыльнокаторжного населения. Американская исследовательница Ш. Коррадо проследила, как менялось общественное восприятие штрафной колонии, рассматривая историю Сахалина в более широком историческом контексте «русского империализма» и «модерна» [38]. По мнению историков, неудачу штрафной колонизации Сахалина предопределили, в первую очередь, хаотичные и малоэффективные действия властей.

Современные англо-американские исследователи все более пристальное внимание уделяют гендерной проблематике, применяют теоретико-методологический аппарат таких междисциплинарных научных направлений, как «история женщин» и «история семьи», Призывая «услышать голос» основной массы «рядовых» уголовных и административных ссыльных («история снизу»), Э. Гентес, Д. Бир, С. Бэдкок в своих работах показали изменения, происходившие в пенитенциарной системе Сибири, в том числе через повседневную жизнь ссыльных женщин и членов их семей; сопоставили правовой статус и фактическое положение

женщин, отправленных в Сибирь как по решениям судов, так и во внесудебном порядке. Э. Шредер анализировала действия столичных и местных властей, направленные на укрепление института семьи и гендерной иерархии как оплота патриархального государства, и проследила, как менялись гендерные нормы и отношения в условиях сибирской ссылки [39]. Биографии известных деятелей революционного движения, оказавшихся в сибирской ссылке, изучали Ф. Десинд [40] и К. Тергон [41–42].

В целом, в современной англо- и германоязычной историографии, посвященной дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока, замечен все возрастающий интерес к вопросам истории каторги и ссылки; всесторонне исследуется их роль как инструментов карательной и колонизационной политики государства. Признавая ведущую роль в разработке темы за российской историографией, западные специалисты в последние десятилетия вносят заметный вклад в разработку темы, стремясь к пересмотру устоявшихся концепций. Плодотворная работа в российских архивах позволила им существенно расширить источниковую базу своих исследований. Наряду с архивными документами (в основном, делопроизводственными материалами, связанными с деятельностью пенитенциарных учреждений) западные специалисты широко привлекают источники личного происхождения (в первую очередь, воспоминания, дневники, письма ссыльных).

Следуя в парадигме «новой социальной и культурной истории», современные англо-американские и немецкие историки предлагают собственные оценки государственной политики в сфере исполнения наказаний; прослеживают изменения общественных представлений о каторге и ссылке; характеризуют особенности применения наказаний и положение различных категорий ссыльного населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Многие сближают работы западных авторов с современной российской историографией, в частности, повышенный интерес к историко-правовой проблематике, вопросам истории уголовной ссылки и каторги [35], а также стремление показать неразрывную связь пенитенциарных институтов с процессами общественно-политического, социокультурного и хозяйственного развития Азиатской России в дореволюционный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примечательно, что доводы в защиту системы ссылки, высказанные американским журналистом в более ранних публикациях, отчасти напоминают аргументацию тех современных историков (Б. Адамс, Дж. Дэли, Д. Дальман, С. Бэдкок и др.), кто призывает не преувеличивать меру жестокости карательной политики самодержавия.

² В современной историографии к такому выводу приходят, напр., Э. Гентес, С. Бэдкок, Д. Дальман, Д. Бир.

³ По справедливому замечанию Д. Дальмана, такой диапазон указывает на проблему точности статистических данных, поскольку остается неясным, идет ли речь только о ссыльных или также о членах семей (так называемых «добровольных»); не уточняется, как они распределялись по различным категориям и какая часть из них в течение следующих лет попала под амнистию и смогла вернуться в дом [4. S. 154]. В свою очередь, заметим, что отечественные специалисты также существенно расходятся в оценках количества ссыльных участников восстания 1863 г. [26].

⁴ Для сравнения, современная российская исследовательница З.В. Мошкина также полагает, что термины «государственные преступники» и «политические ссыльные» были, по сути, синонимичны и обозначали всех, кто вел политическую борьбу с самодержавием, но в документах второй половины XIX в. термин «политические ссыльные» действительно применялся преимущественно в отношении поляков, во избежание смешения двух групп ссыльных – народовольцев и участников Январского восстания [27. С. 48].

⁵ Следует, впрочем, принять во внимание амнистию за политические преступления, объявленную 21 октября (3 ноября) 1905 г.

⁶ В своей рецензии Д.А. Бакшт критикует исследовательницу за игнорирование правовых тонкостей ссылки и в целом за то, что С. Бэдкок не вдается в социологическую характеристику ссыльного населения [30. С. 60–63].

⁷ На противоречивую роль ссылки в истории Сибирского региона указывают и отечественные исследователи [32].

⁸ Выводы отечественных исследователей о численности всех категорий ссыльных в Сибири на рубеже XIX–XX вв. существенно разнятся [35].

ЛИТЕРАТУРА

- Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX – начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск : Наука, 1987. С. 74–86.
- Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984. 193 с.
- Передерий С.В. Политическая ссылка в Сибири в оценке современных англо-американских буржуазных историков // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 203–210.
- Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh, 2009. 438 s.
- Kennan G. Siberia. The Exiles' Abode // Journal of the American Geographical Society of New York. 1882. Vol. 14. P. 13–68.
- Hecht D. Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. // The Russian Review. Vol. 17, № 3 (July, 1958). P. 223–224.
- Treadgold D.W. Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. // The Slavonic and East European Journal. Vol. 3. № 1 (Spring, 1959). P. 84–85.
- Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge : Cambridge University Press, 1965. 248 p.
- Carr E.H. Bakunin's Escape from Siberia // The Slavonic Review. 1936–1937. Vol. XV. P. 377–388.
- Randall F.B. N.G. Chernyshevsky. New York : Twayne, 1967. 178 p.
- Wood A. Siberian exile in tsarist Russia // History today. 1980. Vol. 30. September. P. 19–24.
- Wood A. The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia // Irish Slavonic Studies. 1985. № 6. P. 65–81.
- Wood A. The Siberian Criminals' Commune // Sibirica IV. 1989. P. 40–44.
- Wood A. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet / ed. Roger Barlett. New York : St. Martin's Press, 1990. P. 395–414.
- Wood A. Russian «Wild East»: Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. London : Routledge, 1991. P. 117–137.
- Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2011. 272 p.
- Gentes A. Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island. 2002. 591 p.
- Gentes A. The Institution of Russia's Sakhalin Policy, from 1868 to 1875 // Journal of Asian History. 2002. Vol. 36, № 1. P. 1–31.
- Gentes A. Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2003. Bd. 51, h. 2. S. 197–217.
- Gentes A. Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia // Ab Imperio. 2003. № 2. P. 115–37.
- Gentes A. Katonga: Penal Labor and Tsarist Siberia // The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East. Ed. by Eva-Maria Stolberg. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2005. P. 73–85.
- Gentes A.A. No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2008. Bd. 54, h. 3. S. 321–344.
- Gentes A. Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. New York : Palgrave Mcmillan, 2008. 256 p.
- Gentes A. Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61. New York : Palgrave Mcmillan, 2010. 290 p.
- Gentes A. Sakhalin as Cause Celebre: Re-Signification of Tsarist Russia's Penal Colony // Acta Slavica Iaponica. 2012. Vol. 32. P. 55–72.
- Иванов А.А., Кузнецов С.И. К определению количества сосланных в Сибирь участников Январского восстания 1863 года // Baikal Research Journal. 2016. Vol. 7, № 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).17
- Мошкина З.В. Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 48–55.
- Badcock S. A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford : Oxford University Press, 2016. 195 p.
- Remnev A.V. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. Ed. Mark von Hagen, A.V. Remnev, J. Burbank. Bloomington : Indiana University Press, 2007. P. 425–474.
- Бакшт Д.А. «Тюрьма без стен». О методологии в монографии Sarah Badcock (A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press, 2017) // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 4. С. 60–63.
- Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London : Penguin Books, 2017. 487 p.
- Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века : сб. науч. ст. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. С. 165–173.
- Ackeret M. In der Welt der Katonga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München : Osteuropa-Institut München, 2007. 166 S.
- Kamissek Ch. Rec ad op: Ackeret M. In der Welt der Katonga: Die Zwangsarbeitsstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 S. // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. (February, 2008). URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (дата обращения: 1.06.2019).
- Иванов А.А. Сорок лет «Сибирской ссылке» // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 101–104.
- Иванов А.А. История уголовной ссылки в Иркутскую губернию в XVII – начале XX в. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1166 (дата обращения: 9.03.2019).
- Stephan, J. Sakhalin. A History. Oxford : Clarendon Press, 1971. 240 p.
- Corrado Sh.M. The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906 : Ph.D. diss. ... University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. Urbana, Illinois. 189 p.
- Schraeder A. Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860 // Slavic Review. 2007. Vol. 66, № 2 (Summer). P. 230–256.
- Desind Ph. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917. Lewiston : Edward Mellen Press, 1991. 494 p.
- Turton K. Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2010. Vol. 52, № 3/4. P. 391–415.
- Turton K. The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners // The Russian Review. 2010. Vol. 69, № 1. P. 73–92.

Denis A. Anan'ev. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: den-is.ananyev@gmail.com

EXILE AND PENAL LABOR IN SIBERIA AND RUSSIAN FAR EAST (SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES) IN THE WORKS OF ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE RESEARCHERS

Key words: Siberia, Far East, Western historiography, exile, penal labor.

The aim of research is to analyze key works of Anglo-American and German scholars dealing with the pre-revolutionary history of exile and penal labor in Siberia and Russian Far East, and to determine these authors' contribution to the study of the topic. It is established that Western historians pay considerable attention to the period of the second half of the XIX - early XX centuries, when Siberia's penitentiary system underwent a crisis and subsequent reforms initiated by the government. In the West since the time when G.Kennan's works were published Siberia has been viewed mostly as a region settled and colonized by exiles and penal labourers. Despite the heightened public interest in these issues there were few special works written by professional Western historians. As a rule until the late 1970s in the English-language scholarship some aspects of the topic were addressed either in comprehensive studies (T. Armstrong etc.) or in biographical works devoted to the well-known figures of revolutionary movement (E. Carr, F.B. Randall etc.). In the 1980s-early 1990s the British historian Alan Wood was the only representative of English-language historiography who focused in his studies on the history of Siberian exile. The contemporary Anglo-American and German historiography is marked by the growing interest of researchers in the stated topic, as is evidenced by dissertations, articles and monographs written by A. Gentes, Ph. Desind, K. Turton, A. Schradler, S. Badcock, D. Beer, Sh. Corrado, D. Dahlmann et al. It is concluded that Western scholars contribute significantly to the study of problems related to the penitentiary system of pre-revolutionary Siberia and Far East. Actively working in Russian archives they expand the range of historical sources available for further studies. Using the theoretical and methodological tools of "the new social and cultural history" (including such interdisciplinary research fields as "historical penology", gender studies etc.) the Anglo-American and German scholars attempt at revising established concepts and offer their own interpretations and evaluations of the state policy in enforcement of sentences; trace changing public perceptions of exile and penal labor; characterize distinctive features of application of punishment and status of various categories of exiles in Siberia. What brings Western researchers closer to the Russian historiography is their heightened interest in historical-legal issues, history of criminal exile and penal labor as well as their desire to show the inseparable links of these penitentiary institutions with processes of social-political, socio-cultural and economic development of Asiatic Russia.

REFERENCES

- Goryushkin, L.M. & Dergachev, A.Yu. (1987) Sovremennye burzhuaiznye anglo-amerikanskije istoriki o politicheskoy ssylke v Sibiri v XIX – nachale XX v. [Modern bourgeois Anglo-American historians about political exile in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Politicheskaya ssylka v Sibiri XIX – nachalo XX v. Istorografiya i istochniki* [Political exile in Siberia in the 19th – early 20th century. Historiography and sources]. Novosibirsk: Nauka. pp. 74–86.
- Peredery, S.V. (1984) *Sovremennaya amerikanskaya i angliyskaya burzhuaiznaya istoriografiya istorii Sibiri kontsa XIX v. – fevral' 1917 g.* [Modern American and English bourgeois historiography on the history of Siberia at the end of the 19th century – February 1917]. History Cand. Diss. Tomsk.
- Peredery, S.V. (1985) *Politicheskaya ssylka v Sibiri v otsenke sovremennykh anglo-amerikanskikh burzhuaiznykh istorikov* [Political exile in Siberia in the assessment of modern Anglo-American bourgeois historians]. In: Zinoviev, V.P. (1985) *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Sibiri perioda kapitalizma* [Problems of historiography and source studies of Siberia during capitalism]. Tomsk: Tomsk State University, 1985. pp. 203–210.
- Dahlmann, D. (2009) *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn: Schöningh.
- Kennan, G. (1882) Siberia. The Exiles' Abode. *Journal of the American Geographical Society of New York*. 14. pp. 13–68.
- Hecht, D. (1958) Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. *The Russian Review*. 17(3). pp. 223–224.
- Treadgold, D.W. (1958) Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. *The Slavonic and East European Journal*. 3(1). pp. 84–85.
- Armstrong, T. (1965) *Russian Settlement in the North*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carr, E.H. (1936–1937) Bakunin's Escape from Siberia. *The Slavonic Review*. XV. pp. 377–388.
- Randall, F.B. (1967) *N.G. Chernyshevsky*. New York: Twayne.
- Wood, A. (1980) Siberian exile in tsarist Russia. *History Today*. 30. pp. 19–24.
- Wood, A. (1985) The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia. *Irish Slavonic Studies*. 6. pp. 65–81.
- Wood, A. (1989) The Siberian Criminals' Commune. *Sibirica*. IV. pp. 40–44.
- Wood, A. (1990) Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia. In: Barlett, R. (ed.) *Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet*. New York: St. Martin's Press. pp. 395–414.
- Wood, A. (1991) Russian "Wild East": Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. In: Wood, A. (ed.) *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London: Routledge. pp. 117–137.
- Wood, A. (2011) *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. London; New York: Bloomsbury Academic.
- Gentes, A. (2002) *Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917*. PhD Diss. Providence, Rhode Island.
- Gentes, A. (2002) The Institution of Russia's Sakhalin Policy, from 1868 to 1875. *Journal of Asian History*. 36(1). pp. 1–31.
- Gentes, A. (2003) Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 51(2). pp. 197–217.
- Gentes, A. (2003) Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and Penology in Late Imperial Russia. *Ab Imperio*. 2. pp. 115–37. DOI: 10.1353/imp.2003.0057
- Gentes, A. (2005) Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia. In: Stolberg, E.-M. (ed.) *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East*. Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 73–85.
- Gentes, A.A. (2008) No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 54(3). pp. 321–344.
- Gentes, A. (2008) *Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia*. New York: Palgrave Mcmillan.
- Gentes, A. (2010) *Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61*. New York: Palgrave Mcmillan.
- Gentes, A. (2012) Sakhalin as Cause Celebre: Re-Signification of Tsarist Russia's Penal Colony. *Acta Slavica Iaponica*. 32. pp. 55–72.
- Ivanov, A.A. & Kuznetsov, S.I. (2016) On determining the number of the January 1863 revolt participants exiled to Siberia. *Baikal Research Journal*. 7(6). (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).17

27. Moshkina, Z.V. (2018) Application of penal servitude rules of living outside the prison to state criminals sentenced to hard labour in Nerchinsk in the second half of the 19th century. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 13(6). pp. 48–55. (In Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55
28. Badcock, S. (2016) *A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*. Oxford: Oxford University Press.
29. Remnev, A.V. (2007) Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power. In: Hagen, M. von, Remnev, A.V. & Burbank, J. (eds) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 425–474.
30. Baksht, D.A. (2017) Prison without Walls. On the methodology in the monograph by Sarah Badcock (A Prison without Walls, Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism, Oxford University Press, 2017. *Severnye arkhivy i ekspeditsii – Northern Archives and Expeditions*. 4. pp. 60–63. (In Russian).
31. Beer, D. (2017) *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. London: Penguin Book.
32. Shilovsky, M.V. (2004) Rol' katorgi i ssylki v zaselenii i osvoenii Sibiri v XIX – nachale XX v. [The role of penal labour and exile in settlement and development of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Sibirskiy plavil'nyy kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoy Azii XVI – nachala XX veka* [Siberian melting pot: socio-demographic processes in North Asia in the 16th – early 20th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 165–173.
33. Ackeret, M. (2007) *In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)*. Munich: Osteuropa-Institut München.
34. Kamissek, Ch. (2008) *Rec ad op: Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)*. Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 s. [Online] Available from: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (Accessed: 1st June 2019).
35. Ivanov, A.A. (2014) The 40th anniversary of “The Siberian Exile” edited volume. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 2. pp. 101–104. (In Russian).
36. Ivanov, A.A. (n.d.) *Istoriya ugovnoy ssylki v Irkutskuyu guberniyu v XVII–nachale XX v.* [The history of criminal exile in Irkutsk Province in the 17th – early 20th centuries]. [Online] Available from: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1166 (Accessed 9.03.2019)
37. Stephan, J. (1971) *Sakhalin. A History*. Oxford: Clarendon Press.
38. Corrado, Sh.M. (2010) *The “End of the Earth”: Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906*. Ph.D. Diss. Urbana, Illinois.
39. Schraeder, A. (2007) Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860. *Slavic Review*. 66(2). pp. 230–256. DOI: 10.2307/20060219
40. Desind, Ph. (1991) *Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917*. Lewiston: Edward Mellen Press.
41. Turton, K. (2010) Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 52(3/4). pp. 391–415. DOI: 10.1080/00085006.2010.11092655
42. Turton, K. (2010) The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners. *The Russian Review*. 69(1). pp. 73–92. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2010.00555.x.